

Исламова Алла Каримовна

ОБ ОТНОШЕНИИ К ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ НАУКИ ФИЛОСОФИИ И ШКОЛЫ ДОБРОДЕТЕЛИ В РОМАНАХ АЙРИС МЕРДОК

Статья посвящена нравственно-философской проблематике романов А. Мердок "Ученик философа" и "Школа добродетели". Сравнение эстетических планов двух романов позволяет выделить общую онтологическую перспективу для освещения поставленных проблем, а также этическое основание их решений в связи с идейными предпосылками писательского замысла и в отношении к запечатленной действительности. Системное исследование выявленных связей приводит к заключению о том, что их совокупность определяет авторский концепт морального опыта как условия формирования ценностей, вокруг которых складывается человеческая жизнь.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/3-2/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 3(81). Ч. 2. С. 229-235. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82-312.1

Статья посвящена нравственно-философской проблематике романов А. Мердок «Ученик философа» и «Школа добродетели». Сравнение эстетических планов двух романов позволяет выделить общую онтологическую перспективу для освящения поставленных проблем, а также этическое основание их решений в связи с идейными предпосылками писательского замысла и в отношении к запечатленной действительности. Системное исследование выявленных связей приводит к заключению о том, что их совокупность определяет авторский концепт морального опыта как условия формирования ценностей, вокруг которых складывается человеческая жизнь.

Ключевые слова и фразы: концепт; философия морали; художественная перспектива; порядок дискурса; этический принцип целостности бытия.

Исламова Алла Каримовна, к. филол. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
alla.islamova.52@mail.ru

ОБ ОТНОШЕНИИ К ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ НАУКИ ФИЛОСОФИИ И ШКОЛЫ ДОБРОДЕТЕЛИ В РОМАНАХ АЙРИС МЕРДОК

Айрис Мердок является одной из самых активных продолжательниц дидактической традиции в литературе Великобритании второй половины XX века. Ее писательская деятельность началась в 1950-е годы, когда влияние классического наследия возобладало над модернистскими тенденциями предшествующих десятилетий, о чем свидетельствуют, в частности, результаты исследований Л. Стоунбридж, М. Маккей и других британских филологов [14]. Творчество А. Мердок составило значительный этап в смещении приоритетов, упрочив познавательное и морализаторское направления в литературе за счет обоснования их ценностных ориентиров с позиций современности. Писательница включила обе дидактические линии в работы ранних лет и совместила их в произведениях 1960-х – 1970-х годов, в которых понятие Платона о благе как воплощенном добре полагается высшей мерой единства познанных истин и моральных идей: «Добро – это концепция, подразумевающая естественное использование терминологии Платона не только в философском, но и обиходном языке, когда мы говорим о поисках Добра или любви к Добру» [12, р. 92]. Обращение к этике Платона повлекло за собой серию эссе «Суверенность добра» (1970), где автор разработала ряд теоретических положений философии морали применительно к практическим задачам писательского творчества текущего периода. Итоги художественного опыта «платонического» периода были подведены А. Мердок в романах «Ученик философа» (“The Philosopher’s Pupil”, 1983) и «Школа добродетели» (“The Good Apprentice”, 1985).

Дискурсивная связь двух романов обусловлена общностью дидактической метатемы, объединяющей философии и этические понятия об истине под знаком вопроса об их отношении к действительности человеческого бытия. Единство проблематики и концептуальных предпосылок названных произведений позволяет рассматривать их в совокупности как эстетическую систему двух уровней с общающимися линиями повествовательного и идейного содержания. В комментарии Н. С. Зелезинской по поводу аналогичных явлений в творчестве А. Мердок допускается, что в таких случаях «можно говорить о мультипликации художественных приемов и мотивов, взаимоотраховке романов, метатекстовой основе, интерпесах» [2, с. 265]. Романы «Ученик философа» и «Школа добродетели» вполне оправдывают это допущение, потому что их межтекстовые коннотации углубляют смысловое наполнение изложенных жизненных историй.

Исследуя приемы организации повествования в произведениях А. Мердок, американский литературовед Дж. Фрейзер усматривает в ее драматических сюжетах аутентичные жанровые формы для выявления «сущностной природы» изображаемых характеров в «критических ситуациях, задуманных изобретательно и артистично» [6, р. 185]. Очевидно, помимо искусных художественных композиций, самораскрытие образов характеров в книгах А. Мердок обусловлено присутствием серьезных коллизий, несущих в себе задатки острых, динамических конфликтов. В романах «Ученик философа» и «Школа добродетели» ситуативные коллизии возникают на почве противоречий между субъективными устремлениями отдельных индивидов и объективным порядком вещей в мире их совместного существования.

В экспозиционной части романа «Ученик философа» мир социума ограничивается территорией маленького провинциального городка Эннистона. На этой территории главным учредителем обязательного порядка является «Институт ванн» – место культурного досуга с источниками целебной воды и центр социальной жизни, где происходят встречи и обмен впечатлениями, заключаются сделки и устраиваются браки, формируется общественное мнение и вершатся частные судьбы. Институциональный статус заведения подтверждается почти всеми обитателями Эннистона, которые признают его реальное влияние на обстановку в городе и их личные дела: «В Купальнях самое замечательное – что они такие настоящие» [3, с. 35]. Единственным исключением из числа явных конформистов и скрытых диссидентов стал Джордж Маккефри, когда продемонстрировал несогласие с правлением Института в радикальных акциях протеста. Он уничтожил коллекционное стекло в местном музее, напал с побоями на неугодных ему людей и даже попытался утопить свою жену в порыве отрицания «дурной реальности», чем вызвал зависть и сочувствие некоторой части населения: «Было бы преувеличением полагать, что все мужчины Эннистона завидовали свободе Джорджа от пут морали, а все женщины считали, что могут спасти его от самого себя» [Там же, с. 42]. Маккефри выдвигается

на передний план экспозиционной сцены в заглавной роли ученика философа потому, что истоком вдохновения его бессмысленных деяний было учение профессора Розанова, в котором абсолютная полнота смысла вкладывалась в идею самодовлеющей личности и подсобные теоретические построения вокруг нее.

Драматическая ситуация на публичной сцене начинает складываться после того, как застойную рутину провинциальной повседневности всколыхнули слухи о возвращении в родной город знаменитого философа Джона Роберта Розанова после длительного пребывания на чужбине. Восторженные горожане немедленно преобразили прославленного соотечественника в икону пietetа: «Вернулся, как царь-первосвященник к своему народу» [Там же, с. 171]. Однако возвращение пророка не сулило народу воссоединения с ним, поскольку высокие эмпирии его учения были несоизмеримы с эмпирией мирского бытия. «Я так далек от мира!» – сокрушается старый мудрец [Там же, с. 97]. Он отдалился от объективной реальности, чтобы постичь идею «чистой» субъективности в глубинах солипсизма, и преуспел в своих намерениях, когда нашел там основу для безусловной независимости субъекта в обособленной позиции вне добра и зла: «Смысл солипсизма, часто упускаемый из виду, – в том, что он отменяет мораль» [Там же, с. 170]. После мыслимого и действительного исхода из мира этической всеобщности философу пришлось довольствоваться малым миром личного существования и «держат свой мир у себя в голове до... объединения, очищения... пока он сам не станет богом» [Там же].

Противоречия между мыслимым и реальным мирами учителя и ученика вскрываются с началом активных действий Джорджа Маккефри, потребовавшего от профессора признания своих заслуг по части проведения в жизнь его идей и возмечтавшего войти в ближайшее окружение научного светила с почетной репутацией достойнейшего из последователей. Однако, вопреки предъявленным свидетельствам, философ не пожелал признать творение собственного ума в несообразном и несколько диковатом субъекте, который мог навести тень сомнений на доброе имя ученого в академических кругах. Отказ учителя принять реальность в неприглядном виде обернулся злом для преданного ученика. Жестокая обида опалила его тщеславную натуру и разожгла в ней огонь ненависти и жажду мести. Зло затаилось в недрах себялюбивой самости, но только для того, чтобы дожидаться своего часа.

Острая коллизия, обнаружившаяся изначально в сфере представлений о реальности и реальности как таковой, переходит в жизненный конфликт по мере попыток оппонентов осуществить свои планы. Маккефри, пребывающий в состоянии неприкаянности с тех пор, как Розанов оставил его на неведомом распутье, стремится теперь возвратиться в мир и найти в нем опору для самоутверждения. Не зная обратного пути, он видит главное препятствие в отказе учителя вывести его из заблуждений по тропам философской мудрости: «Вы украли мою реальность, вы украли мое сознание, вы единственный, кто может их вернуть» [Там же, с. 188]. Старый философ Розанов считает главный труд своей жизни законченным и потому тоже полагает необходимым снизойти до мирских дел, дабы какое-либо досадное упущение не запятнало его безукоризненной репутации: «Джон Роберт иногда удивлялся почти по-детски тому, до какой степени им до сих пор правит тщеславие» [Там же, с. 172]. Ныне неутолимое тщеславие требовало от Розанова скорейшего определения судьбы его юной внучки Хэрриет Мейнел, дабы оградить юную девушку от опасных соблазнов, а себя самого – от обывательских пересудов по поводу неблаговидного поведения отпрысков великих людей. Обеспокоенный родственник решил, что наилучшим выходом из положения мог стать ранний, но респектабельный брак с Томом Маккефри, который доводился сводным братом неукротимому Джорджу, но отличался безупречной репутацией успевающего студента, одаренного поэта и добронравного молодого человека: «Про Тома говорили, его любили, он был счастлив» [Там же, с. 403].

Попытки Джорджа и Джона Роберта осуществить задуманное не увенчались успехом из-за конфликта интересов, возникшего на почве общих убеждений философа и его ученика в непогрешимости личных намерений. Джордж вознамерился выместить затаенное зло, совершив насилие над внучкой вероломного учителя, но вынужден был отступить после достойного отпора с ее стороны. Джон Роберт отказался от материальных планов по поводу Хэтти, поскольку публичная огласка скомпрометировала ее до предполагаемой помолвки с Томом, а собственное мнение двух молодых людей не имело для него никакого значения. Джордж воспринял свою неудачу как досадную, но исправимую оплошность при исполнении обязательного долга мщения за оскорбленное самолюбие – ибо «без любви к себе в человеке остается только зло» [Там же, с. 284]. Для Джона Роберта несостоявшийся замысел стал началом безвозвратного нисхождения с высот философских построений в низину жизненной действительности.

Первопричиной вынужденного исхода философа из абстрактного «мира-для-себя» в реальный «мир-для-всех» стало открытие своей подневольной зависимости от Института публичных установлений в Эннистоне. Согласно непостижимой логике общественного мнения, вина за покушение на установленные нормы легла не столько на правонарушителя, сколько на его безвинную жертву на том вероятностном основании, что она спровоцировала нападение на саму себя. Еще более сенсационными, а потому и более вероятными казались предположения о причастности к скандалу великого философа, который до сих пор был почитаем как властитель умов и блюститель морали. Народная молва была немедленно подхвачена местной прессой и донесена до самого Розанова одной из газет, где его косвенно укоряли в потворстве развлечению нравов и насаждению дурных вкусов среди молодежи при посредстве некоторых легкомысленных девиц: «Вот интересная задача из области философии морали!» [Там же, с. 514]. Реальный ущерб авторитету знаменитого ученого был настолько велик, что превысил все мыслимые издержки, предусмотренные его философской прозорливостью: «Не то чтобы горожане питали к нему особенно глубокую неприязнь. Они скорее любили его как символ города. Но падение сильных мира сего – всегда повод для радости» [Там же, с. 533]. Взрывная волна последовавших откликов легко рассеяла символический ореол величия и сбросила развенчанного кумира

на дно житейской скверны, неподалеку от бывшего почитателя и ученика: «Теперь Джон Роберт был столь же одержим им, сколь Джордж был одержим Джоном Робертом. Роковая связь, проходившая через Хэтти, в конце концов соединила их» [Там же, с. 535].

Подобно отвергнутому ученику, несостоятельный учитель воспылил страстью мщения к беззащитной сироте, в которой всегда видел «неудобный, пугающий довесок» к жизни [Там же, с. 394], а ныне – причину гибели своих амбиций. Однако ведущий специалист в области эгоцентрических схем логики проявил гораздо большую изощренность в достижении цели, чем его прямолинейный последователь. Он предпочел физическому насилию психологическое принуждение, чтобы сломить моральное сопротивление жертвы и склонить к противоестественному сожительству из благодарственного долга к великодушному, любящему и единственному попечителю. Мудрец строил свои коварные козни с полной уверенностью в непреложности личной воли и потому упустил из вида угрозу краха всей конструкции при столкновении с противодействующей силой извне. Героем такого противодействия в романе стал Том Маккефри, который уже нашел путь к правде и спешил на помощь пленнице из добрых побуждений в то время, когда вымогатель опутывал ее сетями лжи и зла.

Появление поэта-романтика в качестве искателя истины и главного героя кульминационных событий приобретает значение художественно-философской демонстрации, указывающей на позицию автора в вопросе об отношении искусства к действительности: «Репрезентативные искусства, и более всего живопись и литература, пробуждают в нас то особенное чувство, посредством которого понятие о добродетели сочетается с реальностью человеческого бытия» [12, р. 86]. Безвестный, начинающий поэт был призван отстаивать эту истину в споре с именитым философом, но только после трудных испытаний доброй воли и нравственного чувства того, что нечто, помимо его собственного «я», является реальностью.

Ареной испытаний для героя стал Институт ванн, отмеченный знаками подлинности его целебных источников и благотворного влияния на судьбы и умы горожан. Том пробился к недрам Института сквозь темные лабиринты и клубы обжигающего пара, чтобы «увидеть его, настоящий источник, там внизу, где камень, вода, и земля, и расщелина» [3, с. 649]. Когда же он увидел вокруг себя только бетонные стены да металлические трубы, которые проводили в купальни обычную воду из коммунальной системы, то самоочевидная реальность открыла ему доступ к потаенной истине. Метафорические ходы мышления по принципу аналогий вывели сознание поэта из подчинения авторитарной власти публичного Института и единоличного самодержца Розанова, потому что каждая система идеологического принуждения зиждилась на поддельной харизме, не имеющей основания в действительности. Освобождение от догмы пробудило в юном поэте героическую волю к сопротивлению авторитаризму, и он бросил вызов старому философу с такой решимостью, что тот выпустил добычу из рук без оговорок и промедлений.

Финальные акты драматической развязки отмечены супружеским союзом Тома Маккефри и Гарриет Мейнел, кончиной Джона Роберта Розанова и возвращением в мир реальности заблудшего Джорджа Маккефри. Последние два события тесно связаны между собой и придают общее завершение дискурсивным порядкам сюжетного повествования и идеологического метатекста. Ученик совершил покушение на убийство, столкнув спящего учителя в бассейн, после того как учитель уже совершил покушение на самоубийство, приняв смертельную дозу снотворного. В полном соответствии с диалектическим законом философии, двойное отрицание дало положительный результат, и Джон Роберт Розанов тихо и покойно перешел из бытия в ничто. Джордж Маккефри столь же благополучно преодолел трудное состояние «заброшенности в мир», воздав должное властителю заурядных умов и заняв достойное место среди заурядных людей.

По завершении деконструкции новейшей философии морали в «Ученике философа» Айрис Мердок переходит к реабилитации традиционных принципов этики в «Школе добродетели». Во втором из названных романов модернистскому эгоцентризму противопоставляется платонический эксцентризм, полагающий средоточие абсолютной моральности вне конечного индивидуума. Воссоздавая классическую модель этики на почве современной действительности, Мердок исходит, в числе прочих посылок, и из собственного писательского опыта, но при этом остается, как справедливо заметил П. Кемп, «самым суровым критиком той манеры письма, в которой более всего преуспела» [7, р. 411]. Объектом авторской самокритики в «Ученике философа» явилась моральная дискредитация главного идеолога философского дискурса в отсутствие научных оппонентов, в результате чего наука философии оказалась вне морали и вне человеческой реальности вообще в границах текста данного произведения. Этим упущением не замедлил воспользоваться один из персонажей книги, священник Бернард Джекоби, уверенный в том, что Розанов ушел из жизни, познав «тщету философии» [3, с. 708]. В романе «Школа добродетели» допущенный изъян устраняется по мере того, как новый герой-идеолог проходит путь от метафизики к этике, испытывая теорию на практике и осваивая мастерство добрых дел. Стезя опыта Стюарта Кьюно, блистательного выпускника математического факультета и соискателя духовного звания моралиста, начинается с поисков выхода из кризисной ситуации, которая затронула жизненные интересы близких ему людей.

Чрезвычайное положение возникло и распространилось на весь круг действующих лиц после проступка сводного брата Стюарта, двадцатилетнего студента Эдварда Балтрама. Он тайком подмешал сильнодействующий наркотик в еду своему другу Марку Уилсдену, позволив себе жестокую насмешку над его бескомпромиссным предубеждением против всякого дурманного зелья. Марк погиб, выбросившись с верхнего этажа в состоянии наркотической эйфории. Когда Эдвард увидел бездыханное тело лучшего друга и осознал, что злорадная шутка обернулась злодеянием, перед ним встала проблема ничтожности его собственной жизни, навеки искалеченной смертным грехом: «Как жить после абсолютного злодеяния, абсолютного провала, абсолютного позора?» [4, с. 20].

Стюарт Кьюно был среди первых и самых искренних доброжелателей, кто проявил заботу об Эдварде вместе с выражением всепрощающей любви: «Только в контексте любви мог подействовать разговор о грехе и чувстве вины – ведь именно в этом заключалась беда Эдварда, не так ли?» [Там же, с. 74]. Однако его моральная поддержка была отвергнута как подаяние, преподносимое падшему собрату с высот непостижимого этического идеала: «Да, – подтверждает Стюарт, – это то, что удерживает в человеке стремление к добру и показывает, что добро – это самое важное, некий духовный идеал и дисциплина, способные стать – это трудно представить – чем-то вроде религии без бога, без сверхъестественных догматов» [Там же, с. 47]. Сомнительность фидеистических подходов Стюарта к проблемам этики сказывается в том, что его теория «безбожной религии» приобретает свойства эгоцентрической системы, где трансцендентная сущность подменяется имманентной самостью: «Эта идентификация была спонтанной и инстинктивной, она представлялась чем-то очевидным: “не я, а Христос” естественно превращалось в “не Христос, а я”» [Там же, с. 76]. Гарри Кьюно, отец молодого идеалиста, высказал общее мнение по этому вопросу с исчерпывающей откровенностью: «А ты, судя по всему, оказался в ловушке чисто теоретического представления, будто ты есть воплощение добра и святости» [Там же, с. 57].

Рассматривая авторскую позицию А. Мердок по отношению к отвлеченным построениям, Т. Ю. Тимонина замечает, что они трактуются писательницей как результат потери смысла в череде отвлеченных умозаключений: «Один из важнейших принципов моральной концепции самой Мердок заключается в бессмысленности философии, оторванной от реальной жизни, от мудрости, исходящей не от ума, а от сердца» [5, с. 45]. В романе «Школа добродетели» безжизненность умозрительных схем удостоверяется их практической несовместимостью с конкретными жизненными ситуациями. Разочаровывающие результаты добродетельных начинаний заставили героя искать путь от метафизической идеи абсолютной моральности к опытному знанию о моральных действиях для того, чтобы помочь попавшему в беду человеку: «Стюарт очень хотел увидеть Эдварда, помочь ему, понять, как это сделать» [4, с. 326]. Самое трудное условие перехода заключалось в преодолении эгоцентрического мирозерцания, так как оно закрывало доступ к пониманию истинного смысла и сути добродетели в мире человеческой реальности. Эта преграда вставала на пути всех действующих лиц, вовлеченных в проблемную ситуацию Эдварда Белтрама и пытающихся, подобно Стюарту Кьюно, найти положительное нравственное решение. Отдельные линии сюжетных событий с участием сочувствующих персонажей сводятся к консолидированному основанию повествовательного дискурса, который несет в себе принцип неразрывности понятий о добре, истине и реальности в личной жизни людей и их межличностных связях. Как справедливо заметила А. А. Асланова, в подобных случаях централизованной организации повествования «художественный дискурс А. Мердок предстает пространством интерактивного взаимодействия персонажей, в котором реализуются также асимметричные социальные отношения» [1, с. 11].

Исходная расстановка лиц в условном микросоциуме романа определяется их практическим отношением к моральному закону общей жизни как мере единства взаимосогласованного опыта. Самое отдаленное положение от центральной стези добродетели занял Эдвард Белтрам, углубившись в бесплодную пустыню одиночества, вины и скорби после совершенного проступка: «Я лишен малейшей возможности делать добрые дела. Это целая система горестей – все горести, когда-либо пережитые мною, входят в эту горесть и усиливают ее» [4, с. 47]. Скептическое отстранение Эдварда от стези искупительного подвижничества повлекло за собой нарастающее сопротивление инстинкта самосохранения подневольному состоянию отшельничества. Попытки выйти на свободу в обход дилеммы недостойного существования или отречения от себялюбивой самости приблизили искателя нетерных троп к принципиальной позиции другого персонажа, психолога Томаса Маккаскаервилей. Тот полагал, что во всех случаях субъективно-личностные мотивации психики более важны для выхода из духовного кризиса, чем требования нравственного сознания: «Перешагни через них, выйди в открытое и спокойное пространство, которое покажется тебе совершенно новым местом» [Там же, с. 100].

Поскольку Эдвард доводился племянником Томасу со стороны жены, то его напутственные речи были подкреплены искренними заботами о паломничестве узника совести в заповедный дол, где тот мог предать забвению свое опорощенное «я» вместе с непощенными грехами. По негласной договоренности Томаса, молодой человек отправился в Сигард, дальнее загородное имение Джесса Бэлтрама – знаменитого художника и своего отца. Поскольку Эдвард был внебрачным сыном Джесса и никогда не видел его прежде, то воспринял неожиданное приглашение как знамение рока, повелевающего ему принять проклятие или милость родительского приговора и освобождающего от неподкупного суда собственной совести: «Джесс вполне мог не знать о бедах Эдварда, но он был судьбой Эдварда и его ответом» [Там же, с. 166]. Томас ужаснулся непредвиденным результатам своей психологической суггестии, которая привела его подопечного не к свободному самоопределению, а к крайностям эгоистического самообмана. Надеясь втайне на отцовское прощение, Эдвард не допускал мысли о том, что дающий прощение берет на себя искупительную жертву: «Он вознамерился уничтожить мир, как и предсказывал Томас, путем бегства из здешней грязи в чистоту какого-то места, и это бегство для него было образом смерти. Его цель ужасна» [Там же].

Порицая Эдварда за опасные заблуждения, Томас не сомневается в собственной неуязвимости для риска тщеславного самообмана. Уверенный в своих достоинствах, он не подозревал, что его постоянный пациент, мистер Блиннет, симулировал психическое расстройство из меркантильных соображений, а любимая жена Мидж уже давно изменяла ему с Гарри Кьюно. Мидж тем временем терзалась тревожными мыслями о своей неверности Томасу, о неискренности отношений с Гарри, о несправедности всей ее жизни: «А то, в чем я живу, называется ложью. Куда ни протяну руку, натыкаюсь на сеть лжи» [Там же, с. 127]. Даже Мередит, малолетний сын Маккаскаервилей, был вовлечен в вездесущую сеть лжи, так как мать наказала мальчику хранить

тайну ее любовной связи, ставшую ему известной по нелепой случайности. Тенета лицемерной лжи и самообмана сомкнулись и вокруг тех, кто был склонен принимать мыслимое за действительное при отсутствии достоверного знания. Сара Плоумейн ожидала новых встреч с Эдвардом, не догадываясь, что он проклял тот день и час, когда оставил беспомощного одурманенного Марка ради свидания с нею. Мать погибшего юноши, Дженифер Уилсден, находила мнимое утешение в злых и ядовитых письмах к виновнику его смерти.

Эдвард впервые испытал опасность обманчивых иллюзий в Сигарде, где стал пленником загадочных наваждений темного леса, топких болот и огромного пустынного дома, словно зачарованного ворожкой ма-тушки Мэй, жены Джесса, и ее дочерей Беттины и Илоны: «Это место, эти сестры, их мать – все было сном, оковы которого Эдварду предстояло сбросить с себя» [Там же, с. 237]. Свет озарения коснулся зачарованного странника только после того, как он узнал правду о том, что хозяин Сигарда не ведал о его приезде, поскольку был заточен в дальнюю башню собственного дома по умыслу жены и с молчаливого согласия дочерей. Вопреки противодействию хранительниц тайны и благодаря собственной волевой целеустремленности искатель истины проник в запретное узилище, чтобы получить у затворника желанный ответ на свой вопрос о жизни или смерти. Однако воли к истине во имя собственного блага оказалось недостаточно для спасения героя от грозных наваждений зла, которое таилось в нем самом и не было возмещено деяниями добра. Непроницаемая завеса тьмы возникла перед взором Эдварда, когда он увидел в башне немощного и душевно больного отца, но не заметил, что тот возрождается к жизни с надеждой на прощение сына за детское сиротство, за медленную и мучительную смерть его матери Хлои от горя и тоски. Позднее, после того как Джесс узнал настоящую причину приезда Эдварда и получил требовательное прошение вместо дарованного прощения, сын не услышал в решении отца клятвенного обещания заплатить самую высокую цену по их общим долгам: «Ты не умрешь. Нет-нет. Умру я, а не ты» [Там же, с. 309]. Высшая мера наказания не подлежала обжалованию в самосознании Джесса Бэлтрама, но инстинктивные порывы к жизни еще долго препятствовали исполнению смертного приговора, устремляясь к последним проблескам угасающей надежды.

Тем временем Стюарт Кьюно неумоимо продвигался от метафизики к морали с твердым намерением постигнуть мудрость добродетели и избавить брата от злых папастей. Поскольку отправной предпосылкой пути был платонический принцип объективного идеализма, то выбор определяющего морального действия осложнялся неодолимым расстоянием между трансцендентальными идеями добра и эмпирическими понятиями о благе, открытыми обыденному людскому сознанию: «Иногда он чувствовал себя абсолютно одиноким, словно желание добра отрезало его от людей» [Там же, с. 326]. Необходимое звено связи между нравственным идеалом и актуальной действительностью было найдено только тогда, когда Стюарт открыл основание их единства в праведной истине, извлеченной из опытного знания реальности и освобожденной от пут порочной лжи. Имея в виду злые умыслы, он убеждает юного Мередита: «Ты увидишь, что они нереальны, основаны на ложных идеях и эгоизме» [Там же, с. 330]. Сделанное открытие послужило Стюарту основанием для дальнейших шагов после того, как он получил от Мэй Бэлтрам приглашение в Сигард и принял его, чтобы испытать свою находку в решении насущных проблем Эдварда.

Результаты практических испытаний подтвердили умозаключение о взаимной зависимости правды и гуманности, но их обоюдная недостаточность в отношениях людей вызывала сомнения в возможности устройства общей жизни не только на основах добра, но и в согласии с реальностью: «Все творение стонало и мучилось в грехе» [Там же, с. 325]. Стюарт, подобно Эдварду, ясно увидел в усадьбе Бэлтрамов претенциозную подделку под благородную старину и точно уловил фальшь в наигранных сценах патриархального быта. Однако, в отличие от брата, он вполне отчетливо осознал обратную связь между фиктивным пасторальным иллюзоном и фактической реальными и моральными издержек, за счет которых тот создавался. Непреложные факты свидетельствовали, прежде всего, о недоброй воле создателя, потому что он заключал близких людей в рамки своей псевдонатуралистической картины, лишая вида на жизнь в реальном мире и не взирая на их молчаливые обиды, затаенную ненависть и изломанные судьбы. Картинное воплощение злого умысла, лицемерной лжи и искаженных представлений о реальности дополняется новыми фрагментами с появлением Гарри и Мидж, которые оказались в Сигарде по досадному недоразумению и тщетно пытались выдать обман за правду, чтобы скрыть свой тайный любовный роман во время неожиданной встречи с родственниками.

Пересечение путей героев влечет за собой совмещение разрозненных сюжетных линий по принципу единства места, времени и действия на магистральном направлении хода событий. В создавшейся ситуации моральные коллизии отдельных персонажей включаются в централизованную перспективу развития конфликта, образовав общий узел драматических противоречий между добром и злом, истиной и ложью, реальностью и иллюзорной видимостью. Драматическое напряжение нагнетается вокруг Стюарта Кьюно и Джесса Бэлтрама и достигает высшей точки, когда они проявляют себя как антагонисты в присутствии других лиц. Тем не менее сцена кульминации отмечена символическими действиями, продиктованными нравственными императивами и приверженцу добродетели, и виновнику злодеяний. Исступленный возглас Джесса в сторону Стюарта выражает ужас перед призраком собственной смерти и понимание того, что он прочел во взгляде неумолимого судьи подтверждение своему самоубийственному приговору: «У вас тут мертвец, мертвое тело сидит за столом, я его вижу!» [Там же, с. 383]. Никто не видел и не знал, когда и как приговор был приведен в исполнение. Прошло много дней и недель, прежде чем Эдвард нашел мертвое тело Джесса в устье реки и принял из протянутой руки утопленника перстень, а вместе с ним и наследный знак греха, завещанный отцом при жизни: «Ты идешь по моим стопам» [11, р. 234].

Трагический финал конфликта на центральной сцене дает начало развязкам на расходящихся направлениях повествовательного дискурса. Стюарт уезжает из Сигарда с гнетущим сознанием того, что он не смог остановить

брата на пути к губительной бездне, так как Джесс уже открыл для Эдварда «дверь зла» и преградил доступ в школу добродетели: «У него возникло ощущение, что он дышит воздухом лжи и скоро пропитается им, как тамошние обитатели, а теперь и Эдвард» [4, с. 435]. Отрицательный опыт чувств и доводы рассудка предупреждают Стюарта о неизбежном повторении ошибок Эдвардом, поскольку учение добру не дается тем, кто пренебрегает и истиной, и самоочевидной действительностью собственной жизни. Практические поступки несостоявшегося ученика также не оставляют надежд на иной поворот в его судьбе. Снискав великодушное прощение Брауни Уилсден, сестры погубленного друга, он добивается ее любви, чтобы предать забвению реальность собственного преступления по милости ближайшей родственницы своей жертвы: «Вот это и есть настоящее» [Там же, с. 412]. Предательский союз не состоялся, но только благодаря добропорядочности Брауни: «Будет плохо, если мы станем заменой Марка друг для друга, вычеркнув его самого» [Там же, с. 530].

Сомнительная победа над Джессом и несомненное поражение в борьбе со злом за душу Эдварда не пошатнули веру Стюарта в добродетель как общее призвание всех людей и собственную, личную обязанность. Поскольку самой ценной находкой на переходе от идеала к действительности стала моральная истина, то он выступил в ее защиту против порочной лжи при первой же реальной возможности. Возвращаясь из Сигарда в Лондон вместе с разоблаченными героями тайного романа, Стюарт потребовал открытого признания их отношений, чем вызвал негодование отца за посягательство на свободу нравов и благодарность Мидж за помощь в освобождении из сетей безнравственного обмана. В отличие от Гарри, она услышала в этом требовании не унижительное порицание, а отклик на собственные чувства, которые внушали ей недоверие к оболстительным речам поклонника и говорили о настоящей любви к своей семье: «Я думаю, вам следует вдохнуть в себя жизнь, осознав, как вы любите Томаса и Мередита» [Там же, с. 433]. Позднее и сам Гарри был вынужден признать правду об отсутствии подлинного чувства за своими обильными лирическими излияниями. Подделка тривиальной интриги под драму романтической страсти стала особенно очевидной, когда герой-любownik вышел из своей роли и оставил даму наедине с разгневанным супругом для объяснений по поводу разоблаченного адюльтера. Однако Томас и Мидж отказались от фарсовой сцены семейного скандала, чтобы возвратиться к реальности семейной жизни и восстановить в правах истину и добро в своем доме. Преодолев злые искусы уязвленной гордыни и усвоив практический урок добродетели на этом пути, Томас подверг сомнению психоаналитическую концепцию самодовлеющего эго как квазинаучное смешение «ученых теорий, мифологии, литературы, отдельных фактов, сочувствия, интуиции и жажды власти» [Там же, с. 637].

К урокам школы добродетели приобщаются и другие лица, познав на опыте неизбежность той стези, что была предсказана автором как путь к жизненному благу: «Нам необходимо возвратиться от эгоцентрической концепции искренности к эксцентрической концепции правды» [9, р. 19]. Гарри вновь открывает двери дома для изгнанного Стюарта, исчерпав несправедливый гнев и уступив моральным требованиям справедливости. Стюарт, вдохновленный первыми успехами своих добродетельных начинаний, находит благодатное поприще для их продолжения в педагогической работе с учащимися средней школы. Даже Эдвард согласился стать учеником добродетели после того, как прощальное письмо Брауни вернуло его в мир реальности из бесплодной пустыни миражей: «По крайней мере, я попытаюсь сделать что-то доброе для мира: если это не слишком трудно, ничто не мешает человеку делать это» [4, с. 664]. Английский литературовед Х. Д. Спирер полагает, что духовная эволюция героя явилась результатом опыта, который исподволь пробудил в нем стремление к нравственной жизни в реальном мире: «Оказывая неявное влияние, он влечет Эдварда к возвращению в мир через переход от эгоцентрической замкнутости к исключительной открытости существования» [13, р. 104].

Финал романа «Школа добродетели» явился совокупным итогом предшествующих событий и проявления их бытийного смысла при участии вовлеченных лиц. Выравнивание сюжетных и субъективных планов персонажей по линии развития исходной ситуации обеспечило условия для принятия и обоснования общезначимых моральных решений, образовав зоны интересубъективных коммуникаций на стратегическом направлении сопутствующего философского дискурса. По отношению к пространству экзистенциального метатекста в романе «Ученик философа», где определения бытия «вытягивались» из сознания единичного субъекта, коммуникативная среда «Школы добродетели» представляет собой сферу взаимосогласованного опыта индивидов, в которой субъективные представления сверяются с жизненной действительностью и этическими мерами их ценности.

В тотальной онтологической перспективе двух романов истории героев-идеологов приобретают значение художественной демонстрации пути от метафизики к морали как способа эмпирической верификации и гуманистического обоснования философских теорий. Настаивая на испытании априорных концепций, Айрис Мердок подчеркивает, что исключение практических критериев достоверности чревато потерей той «фундаментальной ценности», которой «является истина, истинный язык – где “истинный” означает правдивый, сопряженный мыслью и разумом с реальностью высшего порядка» [10, р. 214]. Поскольку гносеологические параметры перехода от теоретической к практической философии задаются в романах по парадигме этики Платона, то за отправную посылку пути принимается понятие о трансцендентности истины по отношению к пределу субъективного мировосприятия, а целевая установка направляется на продвижение познающего субъекта через этот предел в открытый мир объективной реальности. Французские литературоведы Ф. Лаку-Лабарт и Ж.-Л. Нанси полагают, что переход героя через границу субъективизма создает в романе абсолютную перспективу для воспроизведения целостной картины мира и образного воплощения того «избытка» реальности, который превышает достигнутое знание о ней: «Процесс такой абсолютизации и бесконечного выхода за достигнутые пределы превышает во всех смыслах этого слова возможности теории и философии, являясь, по сути, их свершением» [8, р. 54]. В романах Айрис Мердок единство художественной картины мира обусловлено не только расширением горизонта сознания героев, но и принципом этической целостности бытия,

утвержденным на основе опытного знания о человеческой реальности. ««Добро как трансцендентная реальность» означает, что добродетель есть попытка проникнуть сквозь покров себялюбивого сознания и постичь мир таким, каким он является в действительности» [12, p. 93].

Список источников

1. **Асланова А. А.** Коммуникативные стратегии художественного дискурса Айрис Мердок: автореф. дисс. ... к. филол. н. Майкоп, 2015. 24 с.
2. **Зелезинская Н. С.** Романы Айрис Мердок. Уроки шекспировского жанра // Вопросы литературы. 2013. № 6. С. 264-273.
3. **Мердок А.** Ученик философа: роман / пер. с англ. Т. Боровиковой. М. – СПб.: Эксмо; Домино, 2009. 720 с.
4. **Мердок А.** Школа добродетели: роман / пер. с англ. Г. Крылова. М. – СПб.: Эксмо; Домино, 2009. 672 с.
5. **Тимонина Т. Ю.** Диалог двух нарративов в романах А. Мердок конца 1960-х – 1970-х годов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9 (63): в 3-х ч. Ч. 2. С. 44-46.
6. **Fraser G. S.** The Modern Writer and His World. Continuity and Innovation in Twentieth-Century English Literature. N. Y. – Washington: Penguin Books, 1964. 427 p.
7. **Kemp P.** The Flight against Fantasy: Iris Murdoch's "The Red and the Green" // Modern Fiction Studies. 1969. Vol. XV. Part. 3. P. 403-415.
8. **Lacou-Labarthe Ph., Nancy J.-L.** Genre // Postmodern Literary Theory: An Antology / ed. by N. Lucy. Oxford: Blackwell Publishers, 2000. P. 43-57.
9. **Murdoch I.** Against Dryness // Encounter. 1961. Vol. XVI. January. P. 16-20.
10. **Murdoch I.** Metaphysics as a Guide to Morals. L.: Chatto & Windows, 1992. 520 p.
11. **Murdoch I.** The Good Apprentice. N. Y.: Viking, 1986. 522 p.
12. **Murdoch I.** The Sovereignty of Good. L. – N. Y., 2003. 105 p.
13. **Spear H. D.** Iris Murdoch. Houndmills – Basingstoke – Hampshire – L.: Macmillan Press, 1995. 160 p.
14. **Stonebridge L., MacKay M.** British Fiction after Modernism // British Fiction after Modernism. The Novel at Mid-century / ed. by M. MacKay, L. Stonebridge. Houndmills – Basingstoke – Hampshire – N. Y.: Palgrave Macmillan, 2007. P. 7-16.

ON ATTITUDE TO REALITY OF PHILOSOPHICAL SCIENCE AND SCHOOL OF VIRTUE IN IRIS MURDOCH'S NOVELS

Islamova Alla Karimovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Saint Petersburg University
alla.islamova.52@mail.ru

The article analyzes the ethical and philosophical problems of Iris Murdoch's novels "The Philosopher's Pupil" and "The Good Apprentice". Comparing the esthetical planes of two novels allows determining the general ontological perspective for covering the problems posed, as well as the ethical basis for their solutions in connection with the ideological prerequisites of the writer's intention and in relation to the captured reality. The systemic analysis of the identified relations leads to the conclusion that in their integrity they form the basis of the author's concept of ethical experience as a condition for the formation of essential human values.

Key words and phrases: concept; philosophy of ethics; artistic perspective; discourse level; ethical principle of integrity of existence.

УДК 821.161.1

В статье проанализированы жанрово-типологическое своеобразие, структура и проблематика литературно-критических работ Д. С. Мережковского, написанных в 1893-1894 годах. Автор прослеживает, как эволюционирует литературно-критический метод Мережковского, расширяется жанровая палитра его работ; установлены связи литературной критики с критической прозой. В статье «Новейшая лирика» выявляется влияние символизма на литературно-критическое мышление Д. С. Мережковского. На основе проведенного исследования автор определяет жанровые формы статей Д. С. Мережковского: литературно-критическая статья, статья-некролог.

Ключевые слова и фразы: Д. С. Мережковский; жанрово-типологическое своеобразие; символизм; позитивизм; «Мистическое движение нашего века»; «Памяти Тургенева»; «Памяти А. Н. Плещеева»; «Новейшая лирика».

Муртузалиева Екатерина Абдулмеджидовна, к. филол. н., доцент
Дагестанский государственный университет, г. Махачкала
fiona70@mail.ru

**ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ РАБОТЫ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО 1893-1894 ГОДОВ:
ЖАНР, ТИПОЛОГИЯ, СВОЕОБРАЗИЕ**

В 1893-1894 годах Д. С. Мережковский написал ряд статей («Мистическое движение нашего века», «Памяти Тургенева», «Памяти А. Н. Плещеева», «Новейшая лирика»), которые не получили должного внимания со стороны литературоведов. Обзор этих статей присутствует, пожалуй, лишь у Е. А. Андрущенко [1] и Н. Г. Коптеловой [4-7]. Вместе с тем интересными для нас оказались работы о Мережковском-критике